

А.А. Кожаева*

РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ ПОДРАЖАНИЯ ОФИЦИАЛЬНОМУ СОВЕТСКОМУ ДИСКУРСУ В ПИСЬМАХ «ЛИШЕНЦЕВ» ВО ВЛАСТЬ (1918–1936 ГОДЫ) (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)doi:10.31518/2618-9100-2022-6-2
УДК 94(47+57).084

Выходные данные для цитирования:
Кожаева А.А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 29–38. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-02.pdf>

A.A. Kozhaeva*

SPEECH PRACTICES OF IMITATION OF THE OFFICIAL SOVIET DISCOURSE IN THE PETITIONS OF THE DEPRIVED TO POWER (1918–1936) (BASED ON THE MATERIALS OF WESTERN SIBERIA)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-2

How to cite:
Kozhaeva A.A. *Speech Practices of Imitation of the Official Soviet Discourse in the Petitions of the Deprived to Power (1918–1936) (Based on the Materials of Western Siberia)* // *Historical Courier*, 2022, No. 6 (26), pp. 29–38. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-02.pdf>]

Abstract. The state, which set the purpose of the deprivation campaign to ensure control over potentially alien groups of the population (“former”, merchants and entrepreneurs, clergymen, etc.), achieved this with the help of a set of discriminatory restrictions accompanying disenfranchisement. The problem of studying various categories of deprived, despite a significant number of works devoted to this topic, doesn’t lose its relevance. The question of the possibilities and limitations of adaptation of the deprived in Soviet society requires further in-depth study. The article is devoted to the study of the language used by the deprived in ego documents in an effort to demonstrate their loyalty to the existing system. Based on the analysis of petitions for the restoration of the rights of the deprived of Novosibirsk, as well as the Maslyaninsky and Iskitimskiy districts of Western Siberia, the methods of self-identification of the discriminated with the category of full-fledged citizens of the Soviet society are reconstructed. In order to achieve the restoration of voting rights, the deprived used language constructions that, in their opinion, could lead to a positive decision of the authorities. We have established such specific tactics of the deprived as using the discourse of power to describe their own status, focusing on their real merits to society and the state, not only in the past and present, but also possible in the future. The use of excellent epithets describing the achievements of the state in petitions was an additional way to strengthen the expressions of political loyalty of the deprived to the new system.

Keywords: deprived, social and legal discrimination, marginality, discourse, loyalty, propaganda, Siberia, USSR.

The article has been received by the editor on 29.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Советское государство, ставившее целью политики «лишенчества» обеспечение контроля над социально чуждыми группами населения («бывшие», торговцы и предприниматели, священнослужители и пр.), добивалось этого при

* Альбина Алексеевна Кожаева, магистрант 2-го курса, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru
Albina Alekseevna Kozhaeva, 2nd Year Master’s Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

помощи комплекса дискриминационных ограничений, сопутствующих лишению избирательных прав. Проблема изучения различных категорий «лишенцев», несмотря на значительное количество работ, посвященных этой тематике, не теряет своей актуальности. Дальнейшего углубленного рассмотрения требует вопрос о возможностях и границах адаптации «лишенцев» в советском социуме. Статья посвящена исследованию языка, применявшегося «лишенцами» в эго-документах в стремлении продемонстрировать власти свою лояльность. На основе анализа ходатайств «лишенцев» Новосибирска, а также Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири о восстановлении в правах, реконструированы языковые практики, с помощью которых те пытались идентифицировать себя как лояльные граждане советского социума. Чтобы добиться восстановления в избирательных правах, «лишенцы» применяли языковые конструкции, которые, на их взгляд, могли привести к положительному решению органов власти. Установлены такие специфичные тактики «лишенцев», как использование дискурса власти для описания собственного статуса, акцентирование внимания на их реальных заслугах перед обществом и государством, причем не только в прошлом и настоящем, но и в будущем. Использование в ходатайствах превосходных эпитетов, характеризующих достижения государства, являлось дополнительным способом усилить выражение политической лояльности «лишенцев» новому строю.

Ключевые слова: «лишенцы», социально-правовая дискриминация, маргинальность, дискурс, лояльность, пропаганда, Сибирь, СССР.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022 г.

В июле 1917 г. Временное правительство впервые в истории России утвердило принцип всеобщих выборов. В Конституции, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., также закреплялся этот принцип: «правом избирать и быть избранными в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т.п., следующие обоюбого пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет»¹. Однако статья 65 Конституции сразу же ограничила это достижение революции, определив круг лиц, лишенных избирательных прав. Основной закон государства не только установил семь категорий лиц, лишенных избирательных прав², но и предоставил возможность для произвольного толкования признаков, влекущих за собой дискриминацию. Так, например, статья 23 Конституции предусматривала возможность лишать избирательных прав лиц, использующих их «в ущерб интересам социалистической революции»³. Столь широкая формулировка фактически открыла двери для различного рода интерпретаций государственной электоральной политики, в том числе исходя из личных интересов представителей местных органов власти. Ш. Фицпатрик справедливо отмечает, что категория «лишенцев» «была шире и менее четко очерчена, чем оговаривалось в Конституции»⁴. Советское государство, «ставя своей основ-

¹ Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 64 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 28.

² В статье 65 Конституции РСФСР определялось семь категорий «лишенцев»: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

³ Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов... С. 24.

⁴ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 143.

ной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы»⁵, нововведениями в избирательной сфере создавало новую систему стратификации, в которой важное место занимал признак наличия или отсутствия избирательных прав. Современный правовед Л.Г. Берлявский, отмечая трансформацию идеи диктатуры пролетариата в идею диктатуры партийно-советской бюрократии, находит зачатки данного процесса уже в Конституции 1918 г., которая «отразила на себе идеологемы социально-политического противостояния и гражданской войны: классово выдержанное подразделение на “своих” и “чужих”, юридическое закрепление политических установок “военного коммунизма”, институт лишения политических прав»⁶. Политика большевиков, направленная на преобразование постреволюционного общества через дискриминационные механизмы, со временем принимала все более жесткие формы. Стремительное увеличение числа «лишенцев» приходится на вторую половину 1920-х гг. В 1925 г. большевики в результате снятия ряда ограничений, связанных с проведением политики расширения социальной базы в деревне, добились противоположного результата – коммунисты стали терять позиции в низовых советах. Следствием этого явилось значительное ужесточение избирательного законодательства. Число «лишенцев» увеличилось за счет появления новых категорий с 1 040 894 чел. в 1926 г. до 3 716 855 чел. в 1929 г.⁷ Инструкция о выборах городских и сельских советов 1925 г. законодательно закрепила лишение избирательных прав в отношении «членов семей лиц, лишенных избирательного права»⁸. В 1926 г. в дискриминационную стратификацию оказались включены «бывшие белые офицеры, военные чиновники белых армий и руководители контрреволюционных банд»⁹. Дискриминационная мера в виде лишения избирательных прав части населения не ограничивалась рамками исключительно политико-правовой сферы, поскольку «лишенцы» теряли возможность социальной адаптации из-за расширения круга сопутствующих ограничений. «Лишенцы» теряли работу, их выгоняли из колхозов, при этом заново трудоустроиться на другом месте не получалось из-за их неправового статуса. Повзрослевшие дети «лишенцев» не могли служить в Красной армии, взамен этого они подлежали призыву на три года в части тылового ополчения, кроме того, они не могли обучаться в вузах и техникумах. В сознании наделенного правами советского населения складывался определенный образ врага. Массовое сознание характеризовалось противоречивым сочетанием страха утратить полноправный избирательный статус и ощущением своеобразного социального реванша в отношении «бывших».

«Лишенец» мог подвергаться сразу нескольким ограничениям, что на практике ставило его на грань выживания и приводило к необходимости вести активную борьбу за восстановление в избирательных правах, где единственным способом была подача соответствующих ходатайств «во власть».

Цель данной публикации – выявление особых тактик, отражающих способы самоидентификации «лишенцев» с советским социумом. В центре нашего внимания находится язык, который использовали «лишенцы» при написании ими своих ходатайств.

Ходатайства «лишенцев» как исторический источник имеют своего рода двойной статус. Данные источники традиционно относятся к группе делопроизводственной документации, что справедливо, учитывая бюрократические причины их написания. Однако ходатайства правомерно рассматривать и как эго-документ, который, с одной стороны, отражает мысли автора, а с другой, показывает, как «лишенцы» понимали отношение к ним самой советской власти. В этих ходатайствах во власть содержится важная информация, способная показать «от первого лица», как работали механизмы «лишения», отразить жизненный путь авторов. Ходатайство являлось каналом общения с властью, поэтому «лишенцы» использо-

⁵ Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов... С. 22.

⁶ Берлявский Л.Г. Конституция РСФСР 1918 г. В парадигме конституционного риска // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 110.

⁷ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. С. 15.

⁸ СУ РСФСР. 1930. № 19. Ст. 212.

⁹ СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

вали различные поведенческие стратегии, которые, по их мнению, привели бы к положительному результату, т.е. восстановлению утраченных прав.

Кампания «лишенчества» долгое время оставалась за рамками специальных исследований историков и правоведов. Вопрос о лишении избирательных прав рассматривался через призму «классового подхода» в контексте советского государственного строительства¹⁰. В работах советского периода «лишенцы» упоминались в соответствии с идеей о «трудовом перевоспитании представителей эксплуататорских классов». Изменение подхода к проведению исторических исследований, связанное с пересмотром классовой методологии, привело к появлению с конца 1980-х гг. работ, направленных на рассмотрение механизмов кампании «лишенчества» и региональных особенностей осуществления дискриминационной практики¹¹. На современном этапе изучения темы ощущается недостаток работ, посвященных дискурсу, исходящему от самих «лишенцев». Голос главных действующих лиц кампании редко присутствует в исторических исследованиях. Одним из способов выявления личных оценок и взглядов дискриминированных лиц является изучение их ходатайств. Кроме того, информация, указанная в ходатайствах, позволяет оценить степень воздействия пропаганды на сознание «лишенцев». В словаре В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, содержащем толкование значений терминов советского новояза, термин «пропаганда» обозначается как «политическое или идеологическое воздействие на широкие массы; разъяснение и распространение учений, идей»¹². Цель «политико-просветительной работы» в действительности заключалась не столько во внедрении политических знаний, сколько в актуализации политических дискурсов, формировавшихся во властных структурах. Используя различные каналы, государство закрепляло в сознании людей те языковые структуры, которые считало пригодными для построения системы контроля над обществом. Степень эффективности такого воздействия возможно оценить с помощью массовых источников, в которых фиксируются отмеченные явления. На наш взгляд, особый интерес представляет форма изложения, которую использовали авторы писем во власть. Язык «лишенцев» в ходатайствах претерпел изменения под воздействием усвоения ими тех нормативных установок, которые транслировались «сверху» в директивах, инструкциях, постановлениях, периодических изданиях и пр. Лингвист В.Е. Чернявская, исследующая различные формы дискурса, отметила, что «в информации, передаваемой средствами языка, всегда заключено определенное отношение языковой личности к единицам/формам/структурам языка, которые эта личность актуализирует с разной степенью осознанности и целенаправленности в своей речевой деятельности»¹³. Предполагается, что употребление «лишенцами» тех или иных языковых конструкций является не случайным, а целенаправленным действием авторов ходатайств. Так, использование языка власти, по мнению «лишенцев», показало бы их заинтересованность в жизни постреволюционного общества, а следовательно, помогло бы им добиться восстановления в избирательных правах. Письма «лишенцев» «во власть» представлены в личных делах, хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО)¹⁴. Заявители сами определяли, какое название дать своему письменному обращению. Для удобства изложения мы будем объединять все эти письма термином «ходатайства». К группе источников под названием «ходатайства» относятся заявления, жалобы, ходатайства и биографии «лишенцев». Источниковую базу исследования составили 572 ходатайства «лишенцев» Новосибирска, а также 528 ходатайств сельских «лишенцев» из Искитимского (247 ходатайств) и Маслянинского (281 ходатайство) районов. Эго-источники «лишенцев» не имели строгого формуляра,

¹⁰ Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М., 1960; Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М. 1972; Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984; и др.

¹¹ См., например: Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс: Atheneum.1992. Вып. 2. С. 600–628; Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998; Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008; Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; и др.

¹² Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 487.

¹³ Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М., 2006. С. 8.

¹⁴ ГАО. Ф. Р-437. Оп. 1; Ф. Р-449. Оп. 1; Ф. Р-1344. Оп. 2; Ф. Р-1345. Оп. 2; Ф. Р-1346. Оп. 2; Р-1347. Оп. 1а.

поэтому они могли значительно различаться по объему – от одного предложения до нескольких страниц. Кроме того, важно отметить, что большинство «лишенцев» являлись неграмотными или малограмотными, поэтому информацию с их слов записывал (или набирал на печатной машинке) человек, к которому заявители обращались за помощью. Это могли быть грамотные члены семьи, односельчане, соседи и пр. Соответственно, здесь встает проблема определения «чистоты» эго-документа – передал ли доверитель всю информацию в полном соответствии со словами и намерениями автора или, наоборот, сократил или дописал что-то свое. Исследование отражения дискурса власти в ходатайствах дискриминированных справедливо начинать с самого термина «лишенец». Образ человека, включенного в список лиц, лишенных избирательных прав, наделялся негативными чертами. Конструирование данного образа в постреволюционной среде начиналось с детства, когда в «Пионерской правде», главной пионерской газете страны, актуализировались негативные действия «лишенцев»¹⁵, а также происходило наделение последних такими особыми чертами, как стремление к наживе, обману и пр. В центральных и региональных газетах фиксировался образ «лишенца» как человека, с которым нельзя иметь ничего общего. Пропагандистская кампания, направленная против определенных групп населения, выполняла функцию переадресации общественного недовольства на «чуждых элементов». «Лишенцы», как и полноправные граждане, не только подвергались влиянию пропаганды, но и пытались использовать ее стереотипы в своих интересах. Авторы ходатайств, описывая свой дискриминационный статус, не идентифицировали себя с «лишенцами», а с помощью различных языковых конструкций показывали свое явное недоброжелательное отношение к зачислению в «лишенцы» (см. табл. 1). Нередко указанные языковые конструкции сопровождались словами, противоположными негативным коннотациям – «защитник», «трудящийся», «помощник» и др. Последнее объясняется стремлением «лишенцев» показать свою значимость и необходимость для советского общества и лояльность советской власти.

Таблица

Маркеры, используемые «лишенцами» при описании своего дискриминационного статуса

№	Маркер	Примеры употребления	Количество употреблений
1	<i>Враг, вражеский, враждебный</i>	«являюсь-ли я теперь преданным сторонником соввласти или врагом» ¹⁶ , «ни в коем случае не могу быть причислен к враждебному стану» ¹⁷ , «нет большого позора для трудящегося быть отнесенным (благодаря лишению голоса) к числу врагов Советской власти» ¹⁸	24
2	<i>Элемент</i>	«я не представляю из себя элемент эксплуататорского типа» ¹⁹ , «как кулацкий элемент» ²⁰ , «я не являюсь по происхождению и соцположению до 1924 года чуждым элементом, в отношении которого должна быть классовая настороженность» ²¹	13

¹⁵ См., например: Пионерская правда. № 168 (580). 25.12.1930. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000466843/ (дата обращения: 19.07.2021).

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 438. Л. 2–3. Ходатайство Деркшевича Н. в Городской совет от 17 января 1927 г.

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 1117. Л. 7. Заявление Освенцимского Р.И. в Краевую избирательную комиссию от 24 августа 1930 г.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 507. Л. 10–11. Жалоба Жернова Ф.Н. в Краевую избирательную комиссию от 17 июля 1931 г. (здесь и далее сохраняется язык источника).

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 229. Л. 1. Заявление Бурундуковского М.Н. в Городской совет от 8 июля 1930 г.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 1034. Л. 23. Заявление Щемалина Е.И. Михаилу Ивановичу Калинину от 29 января 1931 г.

²¹ ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 266. Л. 26. Заявление Видюлина К.В. в Краевую избирательную комиссию от 14 мая 1933 г.

Окончание таблицы

№	Маркер	Примеры употребления	Количество употреблений
3	Чуждый	«не могу относиться к категории чуждого класса-лишенцев» ²² , «исходя из вышеизложенного я не считаю себя чуждым» ²³ , «как не занимавшегося теми явлениями, за что лишон и которые для меня являются совершенно чуждыми» ²⁴	12
4	Пятно	«снять с меня не заслуженное мною пятно перед советской властью» ²⁵ , «сгладить ненавистное пятно как с меня, а так-же и с семьи моей» ²⁶ , «находишь я в то время где либо в другом месте, где была светская власть, я бы не носил этого позорного пятна» ²⁷	8
5	Позор	«прошу окр исполком снять с меня позорное имя» ²⁸ , «прошу об одном, чтобы с меня сняли позорное клеймо» ²⁹	8
6	Клеймо	«пожалуйста прошу вас дорогие товарищи снять с меня то клеймо, которого я не заслуживаю» ³⁰ , «в настоящее время я переносу не заслуженное клеймо лишонца» ³¹	7
7	Прочее	«не считая себя злостным к сов[етской] власти» ³² , «я в буржуазной провокационно предательской партии никогда не состоял» ³³ , «с группой тех лиц кои вели и ведут смертельную борьбу с рабочим классом» ³⁴ , «в частности, я не могу быть причислен к каким либо буржуазным специалистам» ³⁵ , «я хочу лишь служить и быть по[с]лушной Республике, а не ее балластом» ³⁶	5
Всего			77

²² ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 479. Л. 3. Заявление Дондо С.И. в Городской совет от 8 октября 1929 г.

²³ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 130. Л. 5. Заявление Белимова М.Б. в Октябрьский районный исполнительный комитет от 9 апреля 1936 г.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 1. Заявление Абакумова Я.В. в Краевую избирательную комиссию от 5 ноября 1934 г.

²⁵ ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 304. Л. 26. Биография Истомина М.И. в Районный исполнительный комитет от 20 декабря 1931 г.

²⁶ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 472. Л. 3. Заявление Долгополова Н.И. в Городской совет от 30 октября 1929 г.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 244. Л. 34–35. Заявление Варгасова М.И. в Центральную избирательную комиссию от 26 июня 1929 г.

²⁸ ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 225. Л. 38. Заявление Ермакова В.М. в Краевую избирательную комиссию [не дат.].

²⁹ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 62. Л. 4. Заявление Апраксина А.Д. в Окружную избирательную комиссию от 23 апреля 1929 г.

³⁰ ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 129. Л. 1, 3. Заявление Белобородова И.А. в Городской совет от 14 декабря 1929 г.

³¹ ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 298. Л. 11–12. Заявление Зеленцова Ф.П. в Центральную избирательную комиссию от 15 февраля 1931 г.

³² ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 689. Л. 6. Заявление Хабарова А.М. в Тулинский сельский совет [1930 г.].

³³ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 781. Л. 49. Заявление Селедцова Г.Ф. в Маслянинский районный исполнительный комитет от 25 августа 1934 г.

³⁴ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 244. Л. 19. Заявление Варгасова М.И. в Окружную избирательную комиссию от 18 сентября 1929 г.

³⁵ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 66. Л. 3. Заявление Арнопольдова Е.В. в Краевую избирательную комиссию от 1 октября 1930 г.

³⁶ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 228. Л. 2. Заявление Бурмистровой-Пузановой Л.А. в Городской совет от 12 марта 1930 г.

Конструкт «человека нового типа», предложенный большевиками после прихода к власти, выполнял функцию воспитания как каждого индивида, так и общества в целом. В «Азбуке коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского выдвигался следующий тезис: «Отдельный человек принадлежит не себе самому, а обществу – человеческому роду»³⁷. Жизнь человека, согласно концепции перевоспитания, должна была быть направлена на поддержание общественных структур. Смещение ракурса с собственных заслуг на заслуги советского государства – распространенная дискурсивная практика «лишенцев». Положительное отношение к советской власти и заинтересованность в «грандиозном социалистическом строительстве»³⁸ являлись важными аргументами в борьбе за правовое равенство. Подражание – практика, которую использовали «лишенцы» – подразумевало попытки воспроизводства в собственном дискурсе языка власти. Имитация и копирование как методы этой практики не всегда являлись осознанными действиями, однако их использование позволяет оценить степень социальной адаптации «лишенцев» в советском социуме. О.О. Смердин в 1931 г. был лишен избирательных прав за использование в своем хозяйстве наемной силы. В нашем распоряжении оказалось только одно его заявление, посланное в Маслянинский районный исполнительный комитет от 20 сентября 1936 г., но не исключено, что ранее он писал и другие ходатайства. В заявлении он пишет: «Сейчас я убедился[,] что нужно работать и нужно быть только в колхозе. Советская власть и компартия во главе с товарищем Сталиным правильно руководит нами, только Советская власть заботится о трудящихся[,] и я хотя и старик пойду работать по силе возможности со всеми трудящимися Советского Союза и хочу работать[,] без прав избирательного голоса не допускают к работе[,] и я хочу идти со всеми под руку»³⁹. Примечательно, что, кроме этого, Смердин ничего не написал, за исключением того, что у него нет средств к существованию. Автор, используя эту тактику, предполагал, что, говоря с властью на ее языке, он скорее достигнет желаемого. «Лишенцы» наделяли образ советской власти особыми чертами, описывали ее как «единственную в мире власть[,] защищающую интересы пролетариев»⁴⁰, «которая беспощадно карая вредителей, относится справедливо к преданным работникам»⁴¹. Употребление слов «справедливость», «справедливо», «справедливое» не является случайным. Анализ ходатайств показывает, что «лишенцы» действительно рассматривали подачу ходатайств как реальный способ восстановления в избирательных правах, а адресаты ходатайств являлись в представлениях «лишенцев» проводниками «справедливого» закона. Поэтому неслучайно «лишенцы» в ходатайствах ссылались на те или иные положения избирательных инструкций и постановлений, связанных с правовым положением лиц, лишенных избирательных прав. Ф.А. Ершов⁴², лишенный избирательных прав как бывший «тюремщик», а в действительности талантливый юрист, долгие годы прослуживший мировым судьей, смог добиться восстановления в избирательных правах благодаря своему юридическому образованию. Мужчина, ссылаясь на статьи инструкции, сумел опротестовать отнесение его к лицам, подлежащим лишению избирательных прав. Ссылки на законодательно-нормативные источники в ходатайствах других «лишенцев» подтверждают их веру в силу и справедливость советского закона. СССР также характеризовался ходатаями как «свободная страна»⁴³, связь с которой они подчеркивали словом «гражданин». Можно выделить две коннотации слова «свобода» в ходатайствах «лишенцев». В одних случаях свобода имела практическое значение – освободиться от принудительных работ в тыловом ополчении, а также покинуть места ссылки, в других – приоб-

³⁷ Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Н. Бухарин и Е. Преображенский; Рос. коммунист. партия (большевиков). Петербург, 1920. С. 182.

³⁸ ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 409. Л. 3. Заявление Грибунина В.М. в Городской совет от 18 января 1927 г.

³⁹ ГАНУ. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 66. Л. 42. Заявление Смердина О.О. в Маслянинский районный исполнительный комитет от 20 сентября 1936 г.

⁴⁰ ГАНУ. Ф. Р-1346. Оп. 2. Д. 180. Л. 6. Заявление Гуляева Ф.И. в Городской совет [1931 г.].

⁴¹ ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 66. Л. 3. Заявление Арнольдова Е.В. в Краевую избирательную комиссию от 1 октября 1930 г.

⁴² ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 522. Личное дело Ершова О.Л.

⁴³ ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 251. Заявление Васильева М.А. в Краевую избирательную комиссию от 7 октября 1931 г.

ретала моральный характер. Во втором случае понятие свободы заключалось в том, чтобы быть равным в правах с другими гражданами страны: «хоть бы умирать уехать к своим детям свободным гражданином»⁴⁴. Еще одной дискурсивной составляющей ходатайств «лишенцев» была тема труда, направленного на благо общества. Для «лишенцев» труд являлся не только способом показать свою значимость, но и реальным шансом добиться восстановления в избирательных правах. Согласно инструкции о выборах городских и сельских советов 1926 г., «лишенцы» могли быть восстановлены в избирательных правах «при условии, если они в течение не менее пяти лет занимаются производительным и общественно-полезным трудом»⁴⁵. «Лишенцы», ознакомившиеся с инструкцией, приводили в своих ходатайствах информацию о премированиях, членстве в профсоюзах, занятиях «общественно-полезным трудом», а также отмечали, что выполняли обязанности «добросовестно», «аккуратно», «по-ударному», «заинтересованно». Заслуги перед обществом и государством, по мнению «лишенцев», искупали все ошибки прошлого. Так, В.Г. Дмитриев, лишенный избирательных прав как бывший белый офицер, пишет: «Я с первого дня Советской власти в Сибири и еще при первой Советской власти, я всегда шел на работу и исполнял ее добросовестно»⁴⁶. Бывший белый офицер В.Н. Беляев отмечал: «Интересы широких трудовых масс были моими интересами»⁴⁷. Нередко в целях усиления эффекта восприятия «лишенцы» привлекали эмоциональный компонент: «всегда активно относился к мероприятиям нашей советской власти, а потому мне непонятно и больно, почему я теперь причислен к чуждым элементам»⁴⁸, «после всего этого мне не хочется верить и даже стыдно перед людьми в том, что я оказался в числе тех “лишенцев”, против которых всегда так яростно я сам восставал»⁴⁹. С этой же целью «лишенцы» приобщали к ходатайствам ударнические книжки, справки с мест работы и даже копии патентов на изобретения⁵⁰. Актуализация профессиональных заслуг демонстрирует тактику приспособления. Показать себя не только нужным для общества и государства человеком, но и продемонстрировать успешное включение в жизнь этого общества являлось важным аргументом для борьбы за восстановление в правах. Однако само право на труд нередко блокировалось расхождениями в избирательном законодательстве и реальной практикой. Не всем «лишенцам» удавалось найти работу и получить послереволюционный пятилетний трудовой стаж.

Еще одной интересной практикой является обращение в ходатайствах «лишенцев» к теме будущего. Как правило, это не персональное будущее, касавшееся исключительно личной биографии «лишенца». Напротив, авторы ходатайств предпочитали связывать собственное будущее с общественными или государственными институтами. Обещания «честно служить и работать на пользу Коммунистической партии и Советской власти»⁵¹, «быть активными строителями социализма»⁵², «отдать все силы, житейский опыт и знание по делу

⁴⁴ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 780. Л. 20–21. Заявление Скворцова В.Ф. в Краевую избирательную комиссию [1934 г.].

⁴⁵ СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

⁴⁶ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 462. Л. 2–3. Заявление Дмитриева В.Г. в Окружную избирательную комиссию от 19 января 1927 г.

⁴⁷ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 140. Л. 3. Заявление Беляева В.Н. в Городской совет от 18 января 1927 г.

⁴⁸ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 68. Л. 5. Жалоба Архипова М.А. в Городской совет от 19 ноября 1934 г.

⁴⁹ ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 280. Л. 1. Заявление Вологодина А.Н. в Краевую избирательную комиссию от 2 апреля 1929 г.

⁵⁰ Так, например, Г.С. Бокарев, лишенный избирательных прав за наем рабочей силы на собственный кирпичный завод, пишет об изобретении им печей для обжига извести и кирпича, что позволило повысить показатели производства кирпича на 100 %, а также о работе над водонагревательной системой для прачечных и бань. Свои изобретения Бокарев подтверждает копиями патентов на изобретения (См.: ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 183). Н.А. Ермаков, лишенный избирательных прав как бывший белый офицер, писал об изобретении им машинки для разминки выработанных шкур во время работы в кооперативной артели «Сибодожда» (См.: ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 519).

⁵¹ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 66. Л. 7–9. Заявление в Городской совет от 2 сентября 1930 г.

⁵² ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 222. Л. 7. Заявление Букреевых А.В. и Е.В. в Городской совет от 17 ноября 1931 г.

рабочего класса»⁵³, «работать в любом колхозе для страны советов»⁵⁴ и пр. укладывались в рамки официального дискурса.

По мнению «лишенцев», демонстрация желаний «участвовать в Социалистическом строительстве»⁵⁵ показала бы заинтересованность в мероприятиях советской власти, а следовательно, позволила скорее добиться желаемого результата. Собственную жизнь дискриминированные связывали с понятием «советский образ жизни»⁵⁶, поэтому приводили в ходатайствах факты биографии, которые лучше всего подходили под это понятие.

Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу, умение «говорить по-большевистски» позволяли «лишенцам» демонстрировать свою связь с советским социумом, а также являлись для них фактически единственным способом выхода из маргинального положения. Однако необходимо отметить, что в данном случае перед исследователями встает крайне трудная задача – определить, в какой степени «лишенцы», заявляя о своей лояльности, лишь адаптировались к социальной системе, которая относилась к категории «чуждых», а в какой выражали свои искренние мысли и чувства.

Литература

Берлявский Л.Г. Конституция РСФСР 1918 г. В парадигме конституционного риска // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 100–110.

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. 155 с.

Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1992. Вып. 2. С. 600–628.

Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. 360 с.

Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.) / С.А. Красильников, М.С. Саламатова, С.Н. Ушакова. Новосибирск, 2008. 387 с.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. 91 с.

Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы / В.И. Тихонов, В.С. Тяжелникова, И.Ф. Юшин. М., 1998. 256 с.

Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960. 103 с.

Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 1998. 700 с.

Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М., 1960. 77 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. 136 с.

Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984. 206 с.

References

Berlyavskiy, L.G. (2019). Konstitutsiya RSFSR 1918 g. V paradigme konstitutsionnogo riska [The Constitution of Russia 1918. In the Paradigm of Constitutional Risk]. In *Yuridicheskaya tekhnika*. No. 13, pp. 100–110.

⁵³ ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 258. Л. 1–2. Заявление Верхово М.Н. в Городской совет от 2 августа 1930 г.

⁵⁴ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 584. Л. 24–25. Заявление Матвеевко И.В. в Маслянинский сельский совет от 24 ноября 1934 г.

⁵⁵ ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 229. Заявление Бурундуковского М.Н. в Городской совет от 8 июля 1930 г.

⁵⁶ ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 196. Л. 9. Заявление Васенина К.Е. в Маслянинский районный исполнительный комитет от 3 апреля 1932 г.

Chernyavskaya, V.E. (2006). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya* [The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Influence]. Moscow, Flinta. 136 p.

Chistyakov, O.I. (1984). *Konstitutsiya RSFSR 1918 g.* [The Constitution of Russia 1918]. Moscow. 206 p.

Dobkin, A.I. (1992). Lishentsy 1918–1938 gg. [Disenfranchised of 1918–1938]. In *Zvenya. Istoricheskiy almanah*. Moscow, St. Petersburg. Edit. 2, pp. 600–628.

Filimonov, V.G. (1966). *Pervaya sovetskaya Konstitutsiya* [The First Soviet Constitution]. Moscow. 77 p.

Fitzpatrik, Sh. (2008). *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod*. [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s: City]. Moscow, ROSSPEN. 336 p.

Ivnickiy, N.A. (1972). *Klassovaya bor'ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa* [Class Struggle in the Countryside and the Elimination of the Kulaks as a Class]. Moscow. 360 p.

Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S., Ushakova, S.N. (2008). *Korni ili shchepki. Krestyanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk. 387 p.

Krasilnikov, S.A. (1998). *Na izlomah social'noy struktury: marginaly v poslerevolyutsionnom rossiyskom obshchestve (1917 – konets 1930-h godov)* [On the Fractures of Social Structure: Marginals in Post-Revolutionary Russian Society (1917 – Late 1930s)]. Novosibirsk. 91 p.

Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (1998). *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepia* [Explanatory Dictionary of the Language of Sovdepia]. St. Petersburg. 700 p.

Morozov, L.F. (1960). *Reshayushchiy etap bor'by s nepmanskoy burzhuaziey (1926–1929 gg.)* [The Decisive Stage of the Struggle against the Nepman Bourgeoisie (1926–1929)]. Moscow. 103 p.

Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S., Yushin, I.F. (1998). *Lisheniye izbiratelnykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gorodskogo ob'edineniya arkhivov. 256 p.

Valuev, D.V. (2012). *Lishentsy v sisteme sotsialnykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoy oblasti)* [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.